

УДК 323.21/325.11

Омаров М. А.

Российский государственный гуманитарный университет
125993, г. Москва, Миусская площадь, д. 6, Российская Федерация

Магомедов А. К.

Московский государственный лингвистический университет
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1, Российская Федерация

ПОЛЯРНЫЙ ИСЛАМ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: РОЖДЕНИЕ ФЕНОМЕНА В КОНТЕКСТЕ «НОВОЙ» ЭТНО-СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

АННОТАЦИЯ

Цель. Рассмотреть и выявить специфику одного из самых малоизученных аспектов российских арктических исследований: мусульманское развитие в регионах быстро меняющегося российского Севера.

Процедура и методы. В работе анализируются миграционные потоки, исследуется процесс формирования в северных регионах России мусульманских общин. Исследование опирается на анализ исламской инфраструктуры российского Севера: зарегистрированных мечетей, молитвенных домов и комнат и т. п.

Результаты. Для описания того, как происходит появление и развитие новых исламских ареалов, вводится понятие «новая мусульманская география» России. Чтобы приблизиться к лучшему пониманию описываемого процесса, авторы обращаются к концепту «трансгрессия», который способен дать объяснение динамике постсоветского исламского развития в самых разных регионах: от столичных центров до мусульманских республик, от межгосударственных границ до полярной тундры.

Теоретическая и практическая значимость. В работе сделан вывод о необходимости пересмотра традиционной концепции мусульманской регионализации, оцениваемой в рамках дихотомии двух макрорегионов: Северного Кавказа и Урало-Поволжья. Авторы предлагают рассматривать полярный ислам в качестве нового феномена постсоветской России – как закономерный продукт трудовой миграции в промышленные города Крайнего Севера из мусульманских регионов Кавказа и Центральной Азии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

исламские коммуникации, трансгрессия, миграции, новая мусульманская география, полярный ислам

СТРУКТУРА

Введение

«Старые» и «новые» мусульманские мигранты на российском Севере: встреча демографических и экономических тенденций

Полярный ислам: появление нового социального феномена через механизм трансгрессии

Заключение

M. Omarov

*Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya ploschad, Moscow 125993, Russian Federation*

A. Magomedov

*Moscow State Linguistic University
38 build. 1 ulitsa Ostozhenka, Moscow 119034, Russian Federation*

POLAR ISLAM IN POST-SOVIET RUSSIA: THE BIRTH OF A PHENOMENON IN THE CONTEXT OF A “NEW” ETHNO-SOCIAL MOBILITY

ABSTRACT

Aim. To describe and identify the specifics of one of the most understudied aspects of Russian Arctic research: Muslim development in the regions of the rapidly changing Russian North.

Methodology. The work analyzes migration flows, examines the process of formation of Muslim communities in the northern regions of Russia. The study is based on an analysis of the Islamic infrastructure of the Russian North: registered mosques, prayer houses and rooms, etc.

Results. To describe how the emergence and development of new Islamic areas occurs, the concept of “new Muslim geography” of Russia is introduced. To get closer to a better understanding of the process described, the authors turn to the concept of “transgression”, which can explain the dynamics of post-Soviet Islamic development in various regions: from capital centres to Muslim republics, from interstate borders to the polar tundra.

Research implications. The study shows that it is necessary to revise the traditional concept of Muslim regionalization, assessed within the framework of the dichotomy of two macroregions: the North Caucasus and the Ural-Volga region. The authors propose to consider polar Islam as a new phenomenon of post-Soviet Russia - as a natural product of labour migration to industrial cities of the Far North from the Muslim regions of the Caucasus and Central Asia.

KEYWORDS

Islamic communications, transgression, migration, new Muslim geography, polar Islam

ВВЕДЕНИЕ

Миграционные процессы играют всё возрастающую роль в экономической и социальной жизни России. Ещё в 2000-е гг. страна быстро вышла на второе место в мире по числу принимаемых мигрантов, уступив по этому показателю только США [10, p. 16]. Одновременно с этим мир переживает самую большую волну городского роста в истории человечества. Российские арктические и субарктические регионы не остались в стороне от этого глобального тренда [8]. Зарождение и институционализация российского полярного ислама обусловлены ростом миграции. Как отмечает российский исследователь Д. Опарин, с полярными регионами в России за мигрантов могут соревноваться только Москва, Санкт-Петербург и Кубань [6]. Отече-

ственные арктические города становятся всё более интернациональными. Эта эволюция связана с быстрым ростом промышленной деятельности (в основном добыча полезных ископаемых, промышленное рыболовство, лесное хозяйство и т. п.), а также с развитием социальных услуг, государственного управления и туризма.

Мы не исследуем различные типы социальной мобильности и связанные с ней виды миграции в российских полярных регионах. Эта работа посвящена одному из самых малоизученных аспектов российских арктических исследований: притоку в полярные города зарубежных и внутренних мигрантов, чья культура так или иначе отмечена мусульманскими традициями.

Российский случай в этом отношении не уникален. В Канаде провинция Альберта стала домом для растущей мусульманской общины: в городе Калгари построена крупнейшая мечеть в стране, а в городе Форт Мак-Мюррей, который является центром эксплуатации месторождений нефтяных песков, открыта мусульманская школа [4]. На российском Севере это явление ещё более заметно: здесь круглый год работают сотни тысяч выходцев из Центральной Азии, в основном из Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана. К этому добавились азербайджанцы, российские татары и башкиры, работавшие здесь с советских времён, а также быстро растущие общины внутренних мигрантов с Северного Кавказа. Так, по переписи 2010 г. численность представителей Центральной Азии, Закавказья и Северного Кавказа, например, в Ханты-Мансийском автономном округе составляла примерно 7% [6]. Забегая вперёд, можно сказать, что ХМАО и ЯНАО можно выделить как третий влиятельный мусульманский ареал России после Северного Кавказа и Урало-Поволжья.

«СТАРЫЕ» И «НОВЫЕ» МУСУЛЬМАНСКИЕ МИГРАНТЫ НА РОССИЙСКОМ СЕВЕРЕ: ВСТРЕЧА ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ

Справедливости ради нужно отметить, что приток мусульманского населения в полярные города не является чисто постсоветским явлением. Этнические мусульмане стали приезжать на российский Крайний Север ещё в советские времена. Фактором, который связал мусульманские регионы Советского Союза с Арктикой, является нефтяная промышленность Сибири и суб-Арктики. К 1960-м гг. относится зарождение так называемой «старой» миграции. Это было время открытия крупных нефтяных месторождений Западной Сибири. В частности, в Ханты-Мансийском автономном округе начали работать азербайджанские инженеры, обучавшиеся в Бакинском институте нефтехимии. Спустя десятилетие – в 1970-х гг. – в Западную Сибирь начали приезжать татарские и башкирские специалисты-нефтяники, которые заняли крепкие позиции в нефтяной отрасли региона. Постсоветские десятилетия внесли новые нюансы в характер азербайджанской миграции: количество азербайджанцев в арктических городах резко увеличилось, на этот раз не в нефтяном секторе, а в сфере услуг, в частности, в рыночной торговле.

В результате, в крупных полярных городах начали складываться довольно большие и хорошо организованные мусульманские общины.

О масштабах «новой» миграции из регионов российского Северного Кавказа можно судить по тому факту, что за последние двадцать лет из 100 тыс. ногайцев, проживающих на территории России (преимущественно в Дагестане, Чечне и Ставропольском крае), около 30 тыс. переселились в Сибирь и Крайний Север. Значительная часть из них (около 5–7 тыс. человек) обосновалась в «газовой столице» России – городе Новом Уренгое [12], куда в последние годы направляются интенсивные миграционные потоки. Если продолжить пример Нового Уренгоя, то количество, например, вайнахов (чеченцев и ингушей) здесь официально доходит до 2 тыс. человек, неофициально – до 5 тыс. Дагестанская община составляет примерно 5 тыс. человек [11].

Ключевым элементом «новой» миграции стало массовое прибытие в российскую Арктику выходцев из Центральной Азии. Это можно назвать новым явлением, характерным для 2000-х гг., отмеченных как бурным экономическим ростом в России, так и долгосрочными демографическими и экономическими тенденциями на постсоветском пространстве. На отечественном Крайнем Севере появились целые сектора городского хозяйства, которые нуждаются в дешёвой рабочей силе трудовых мигрантов. Это касается строительного сектора (промышленное и гражданское строительство), городского хозяйства (уборка улиц и общественный транспорт), общественного питания и торговли (кафе, рестораны, рынки). Население Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана в демографическом отношении является сравнительно молодым, а перспективы трудоустройства в этих странах незначительны в силу слабых экономик. Трудовая миграция стала способом, с помощью которого молодые безработные уходили за пределы центральноазиатских стран. Как результат, со второй половины 2000-х гг. мигранты из Средней Азии сформировали большую часть миграционных потоков в Сибирь и на Север. Они воспользовались промышленным бумом в ключевых нефтегазовых арктических и субарктических городах: от Сургута до Нового Уренгоя.

Если говорить о количественных параметрах, то точных статистических данных о количестве мигрантов в регионах Сибири и Крайнего Севера нет. Более-менее достоверной информацией об этом владеют лидеры мигрантских землячеств и диаспор. Например, в Новом Уренгое численность выходцев из стран Центральной Азии насчитывается около 10 тыс. человек, большинство из которых киргизы (до 7500 человек). Как отметил российский исследователь А. Ярлыкапов, со ссылкой на главу киргизской диаспоры в ЯНАО Толкунбека Кудайбергенова, общее количество киргизов в округе доходит до 16 тыс. человек [12]. Если прибавить к этому большое количество татар и башкир, которые присутствуют на Севере ещё с советских времён, то мусульманское население полярных городов представлено быстро растущими сообществами.

Таблица 1 / Table 1

Исламская инфраструктура в регионах российского Севера (зарегистрированные мечети, молитвенные дома и молитвенные комнаты в российских арктических городах) / Islamic infrastructure in the regions of the Russian North (registered mosques, houses of worship and prayer rooms in Russian Arctic cities)

№	Регионы Арктики	Количество	Мечети, моленные дома, моленные комнаты
1	Мурманская обл.	2	Мурманск (1 мечеть), Северодвинск (1 мечеть)
2	Архангельская обл.	2	Архангельск (1 мечеть, 1 молитвенная комната)
3	Ненецкий автономный округ	0	нет
4	Республика Коми	8	Воркута (мечеть), Усинск (моленная комната), Вуктыл (моленная комната), Сыктывкар (2 моленные комнаты и мечеть на стадии строительства), Ухта (моленная комната), Печора (моленная комната), Инта (моленная комната)
5	ХМАО	21	Сургут (мечеть), Улт-Югун (мечеть), Новая Федоровка (мечеть), Нижневартовск (мечеть), Когалым (мечеть), Лангепас (мечеть), Покачи (мечеть), Пыть-Ях (мечеть), Няган (мечеть), Мегион (мечеть), Радужный (мечеть), Нижнесортимский (мечеть), Пойковский (мечеть), Новоаганск (мечеть), Белоярский (мечеть на стадии строительства), Излучинек (моленный дом), Урай, Лиантор (мечети строятся), Югорск (мечеть), Советский (мечеть), Дивное (моленная комната)
6	ЯНАО	13	Новый Уренгой (мечеть), Салехард (мечеть), Лабитнанги (мечеть), Надым (мечеть), Ноябрьск (мечеть), Пангоды (мечеть), Муравленко (мечеть), Тарко-Сале (мечеть), Губкинский (моленный дом в муниципальном здании), Харп (моленный дом строится), Ханымей (моленная комната), Тазовский (моленная комната), Яр-Сале (моленная комната). Закрытые мечети в городах: Губкинский, Пурп, Ноябрьск, Новый Уренгой
7	Красноярский край	1	Норильск (мечеть)
8	Республика Саха-Якутия	8	Якутск (мечеть), Мирный (мечеть), Айхал (мечеть), Нерюнгри (мечеть), Алдан (мечеть), Хандыга (мечеть), Ленский (мечеть строится), мечеть в тюрьме строгого режима Табага недалеко от Якутска
9	Магаданская область	2	Магадан (моленная комната), Сусуман (моленная комната)
10	Чукотский АО	0	Нет

Источник: [4; 9].

Приезд и закрепление «новых» мигрантов из Центральной Азии и Кавказа в арктических городах привели к ряду изменений в городском ландшафте: растущему числу мечетей и молельных домов; появлению этнических районов с их специализированными магазинами, ресторанами, кафе и базарами; новым социальным возможностям для общин мигрантов, которые стремятся воссоздать вид общественных институтов, которыми они пользовались дома (табл. 1). Формируются новые стратегии взаимопомощи. Например, мигранты из Центральной Азии, как правило, объединяются по национальностям или по регионам, в то время как дагестанцы воссоздают свои джамааты (религиозные общины, часто суфийские) на фоне роста смешанных браков с русскими или коренными народами.

ПОЛЯРНЫЙ ИСЛАМ: ПОЯВЛЕНИЕ НОВОГО СОЦИАЛЬНОГО ФЕНОМЕНА ЧЕРЕЗ МЕХАНИЗМ ТРАНГРЕССИИ

Сказанное позволяет нам рассматривать полярный ислам в качестве нового феномена постсоветской России – как закономерный продукт трудовой миграции в промышленные города Крайнего Севера из мусульманских регионов Кавказа и Центральной Азии. Арктические города с их богатым рынком труда оказались привлекательными объектами и конечными пунктами маршрутов социальной мобильности в Северной Евразии. В данном фрагменте нашего исследования мы делаем попытку обозначить понятие «полярный ислам» для того, чтобы зафиксировать процесс зарождения и структурирования мусульманских общин в российских арктических городах.

Однако для того, чтобы лучше обозначить рождение этого нового социального явления, нам необходимо преодолеть некоторые застарелые стереотипы в отношении отечественной мусульманской географии. Для начала констатируем очевидный факт: российское исламское сообщество не является однородным. Оно неоднородно не только по историко-демографическому признаку, но и по территориальному. Однако феномен мусульманской регионализации до сих пор оценивается в рамках консервативной дихотомии двух макрорегионов: Северного Кавказа и Урало-Поволжья. Такое разделение имплицитно подразумевал сравнительный анализ двух наиболее крупных мусульманских республик: Дагестана и Татарстана. [1; 5; 7;13].

Исследователи, работающие в этой парадигме, не хотели видеть очевидного: мусульманские перемещения, миграционные потоки, информационные и социальные коммуникации преобразили проблемное поле отечественного мусульманского сообщества. Миграционные процессы и факторы социальной мобильности превратили, например, Москву в город со значительным мусульманским населением, численность которого насчитывает около двух млн человек. Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург и другие мегаполисы стали городами с многочисленным мусульманским населением и развитой исламской инфраструктурой. Наконец, как было сказано ранее,

мусульманская социальная динамика, связанная с трудовой миграцией и коммуникациями, привела к появлению такого феномена, как «полярный ислам». Последний стал важной составляющей социальных процессов и городского дизайна российской Арктики. В российских арктических регионах по состоянию на 2019 г. находятся 59 официально зарегистрированных мусульманских культовых объектов: мечетей, молельных домов, молельных комнат (см. табл. 1). Из них большая часть – 35 строений – находится в ХМАО и ЯНАО. [4]. Сегодня мечети, мусульманские бутики и магазины с халяльной едой воспринимаются как часть социальной жизни и архитектурного ландшафта арктических городов, многие из которых расположены за полярным кругом [9]. Данные факты заставляют признать, что ислам вышел за пределы привычных ареалов Северного Кавказа и Поволжья, превратившись не только в значимый фактор общероссийских социальных процессов, но и распространившись на арктические территории. Наше исследование доказывает, что указанные факты опровергают безоговорочно устоявшееся и навязываемое деление российского ислама на два традиционных кейса: Северный Кавказ и Урало-Поволжье.

Думается, что для того, чтобы углубить наше понимание исследуемых процессов, необходимо обратиться к понятию «трансгрессия». В самом общем представлении данный концепт означает выход за рамки привычных представлений, освоение пространств и территорий, переход через непреодолимую границу. Поскольку описываемую социальную и миграционную динамику можно рассматривать как выход больших масс перемещающихся людей за границы прежнего социального порядка. Описываемый термин подразумевает также переход от одного установленного состояния к другому [2, с. 57–59; 3]. Применительно к теме нашего исследования данный концепт способен дать объяснение динамике постсоветского исламского развития в новых регионах: от столичных центров до пограничной Астрахани, от межгосударственных границ до полярной тундры. В качестве отправной точки для объяснения исламо-политических процессов в рамках мусульманских коммуникаций мы можем использовать факт стремительно нарастающего миграционного давления с мусульманского юга России на немусульманские регионы, включая самые северные ареалы Арктики и субарктики [8, р. 463–473]. Тем самым можно лучше понять характер северного ислама, обусловленного миграционными перемещениями и переселениями. Мигрирующие люди, переезжая с одной территории на другие, как это показано на примере арктических городов, создают новые социально-урбанистические реальности.

Сказанное не означает, что в условиях российской Арктики появился «особый ислам», совершенно отличный от других мусульманских регионов страны. Большинство характерных черт, присущих арктическому исламу, можно легко найти в других регионах России. К их числу, например, относятся растущая многонациональность, борьба за институциональный контроль

над мусульманскими общинами, расхождение в плане идеологических интерпретаций ислама, тенденция к секьюритизации. [4]. Тем не менее, такие особые характеристики арктического Севера России, как тяжёлые климатические условия, территориальная отдалённость и промышленный характер полярных городов подталкивает к тому, чтобы акцентировать совершенно особые признаки, формирующие социальный ландшафт, в котором живут мусульмане региона. Именно эти характеристики определяют увлекательный региональный пример развития ислама в Арктике.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Развитие мусульманских сообществ в Арктике и появление феномена полярного ислама напрямую связаны с процессами социальной мобильности, особенно того, что мы называем «новой» миграцией. Прежде этнические мигранты, следующие на Север в рамках «старой» миграции, были в первую очередь советскими людьми, которые не интересовались религией, если не принимать во внимание выполнение ограниченных ритуалов. Сегодня всё изменилось: многие северокавказские и среднеазиатские мигранты продвигают идентичность, сформированную на основе ислама.

2. В течение постсоветских десятилетий мусульманская локализация стала подвижной, а территориальность – изменчивой. Исламская миграция из южных регионов на Север, а также процессы социальной мобильности опровергают прежний принцип стабильности мусульманских макрорегионов. Стандартная познавательная модель в виде территориальной дихотомии «Дагестан – Татарстан», «Северный Кавказ – Поволжье», которая служила отечественному исламоведению на протяжении долгого времени, сегодня поколеблена. Появление и подъём полярного ислама свидетельствует, что российское мусульманское сообщество более не является географически «сегрегированным» явлением, локализованным в своих традиционных регионах, таких как Северный Кавказ и Урало-Поволжье, он распространился на все крупные города страны, даже на Крайнем Севере и Дальнем Востоке. Указанная трансформация требует, что российское научное сообщество должно перестать истолковывать ислам как религию для локализованных этнических меньшинств. Нам необходимо развивать представление об исламе как о более широкой социальной тенденции, которая тесно связана с миграционными процессами и изменением городской социальной структуры. Думается, трансгрессионная парадигма может стать оптимальной аналитической моделью для понимания стремительно меняющегося российского мусульманского сообщества.

3. Здесь возникает вопрос, ответ на который могут дать только будущие исследования: каким образом «новые» мигранты и новые социальные группы могут повлиять на коллективную и индивидуальную идентичность север-

ных регионов? Этот вопрос выводит нас на проблему культурной адаптации мусульманских общин к их новой арктической реальности. С этим аспектом тесно связана сюжетная линия о ключевых особенностях политического сознания мусульман Арктики. Не менее интересным может стать попытка дать ответ на другой вопрос: будет ли складываться особая арктическая мусульманская идентичность? И, если да, то как? Изучение этих процессов с помощью использования познавательного потенциала трансгрессии даст нам возможность в конечном счёте ответить на ключевой вопрос: что делает полярный ислам «полярным»?

Научную ценность может иметь совместное изучение таких процессов, как трудовая миграция и урбанистика, арктическая городская культура и растущая среда мультикультурализма. Такие исследования, проводимые с позиций различных познавательных парадигм и различных социальных наук, могут дать новое понимание феномена полярного ислама.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулагатов З. Дагестан и Татарстан: две тенденции в государственно-конфессиональных отношениях, определяемых российским исламом // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 1 (37). С. 57–67.
2. Громова Е. А. Трансгрессирующее общество: о метаморфозах социального порядка // Вестник Волгоградского университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2015. № 3 (29). С. 58–63.
3. Каштанова С. Н. Трансгрессия как социально-философское понятие: автореф. ... дис. канд. филос. наук. СПб., 2016. 24 с.
4. Магомедов А. К. Появление и институционализация мусульманских обществ в российских арктических городах: адаптационные практики и становление северной исламской идентичности // Межконфессиональные отношения в регионах российской Арктики и субарктики: сборник экспертно-аналитических докладов / отв. ред. М. А. Омаров. М.: РГУ, 2019. С. 5–58.
5. Малашенко А. Два несхожих ренессанса // Отечественные записки. 2003. № 5. С. 56–65.
6. Опарин Д. Мусульманское пространство Томска и его акторы [Электронный ресурс] // RIDDLE Russia : [сайт]. [06.11.2019]. URL: <https://www.ridl.io/ru/musulmanskoe-prostranstvo-tomska-i-ego-aktory/> (дата обращения: 20.10.2020).
7. Goncharova N. Russische Muslime in Tatarstan und Dagestan: Zwischen Autonomie und Integration // Auf Der Suche nach Eurasien. Politik, Religion und Alltagskultur zwischen Russland und Europa / Hg. M. Kaiser. Bielefeld: Transcript, 2004. S. 220–247.
8. Laruelle M. Central Asian Migrants as New Actors in Russia's Arctic Urban Landscape // Urban Sustainability in the Arctic: Visions, Contexts, and Challenges / ed. by M. Laruelle, R. Orttung. Washington DC: IERES, 2017. P. 463–473.
9. Laruelle M., Hohmann S. Polar Islam: Muslim Communities in Russia's Arctic Cities // Problems of Post-Communism. 2020. Vol. 67. Iss. 4–5. P. 327–337. DOI: 10.1080/10758216.2019.1616565.

10. Migration and Remittances. Eastern Europe and the Former Soviet Union / ed. by A. Mansoor, B. Quillin. Washington DC: The World Bank, 2006. 236 p.
11. Sokolov D. Ugra, The Dagestan North: An Anthropology of Mobility Between the North Caucasus and Western Siberia // *New Mobilities and Social Changes in Russia's Arctic Regions* / ed. by M. Laruelle. London: Routledge, 2016. P. 176–193.
12. Yarlykapov A. Divisions and Unity of the Novy Urengoy Muslim Community // *Problems of Post-Communism*. 2020. Vol. 67. Iss. 4–5. P. 338–347. DOI: 10.1080/10758216.2019.1631181
13. Yemelianova G. Islam and Nation Building in Tatarstan and Dagestan of the Russian Federation // *Nationalities Papers*. 1999. Vol. 27. No .4. P. 605–629.

REFERENCES

1. Abdulgatov Z. [Dagestan and Tatarstan: Two Trends in State-Confessional Relations Defined by Russian Islam]. In: *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz* [Central Asia and the Caucasus], 2005, no. 1 (37), pp. 57–67.
2. Gromova E. A. [Transgressive society: on the metamorphosis of the social order]. In: *Vestnik Volgogradskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii* [Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology], 2015, no. 3 (29), pp. 58–63.
3. Kashtanova S. N. *Transgressiya kak sotsial'no-filosofskoe ponyatie: avtoref. ... dis. kand. filos. nauk* [Transgression as a socio-philosophical concept: abstract of PhD thesis in Philosophical sciences]. St. Petersburg, 2016. 24 p.
4. Magomedov A. K. [The emergence and institutionalization of Muslim communities in Russian Arctic cities: adaptation practices and the formation of northern Islamic identity]. In: *Mezhkonfessional'nye otnosheniya v regionakh rossijskoi Arktiki i subarktiki: sbornik ekspertno-analiticheskikh dokladov* [Interfaith relations in the regions of the Russian Arctic and subarctic: a collection of expert and analytical reports]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2019, pp. 5–58.
5. Malashenko A. [Two dissimilar renaissances]. In: *Otechestvennye zapiski* [Domestic notes], 2003, no. 5, pp. 56–65.
6. Oparin D. [Muslim space of Tomsk and its actors]. In: *RIDDLE Russia*. Available at: <https://www.ridl.io/ru/musulmanskoe-prostranstvo-tomska-i-ego-aktory/> (accessed: 20.10.2020).
7. Goncharova N. Russische Muslime in Tatarstan und Dagestan: Zwischen Autonomie und Integration. In: Kaiser M., hg. *Auf Der Suche nach Eurasien. Politik, Religion und Alltagskultur zwischen Russland und Europa*. Bielefeld, Transcript Publ., 2004, S. 220–247.
8. Laruelle M. Central Asian Migrants as New Actors in Russia's Arctic Urban Landscape. In: Laruelle M., Orttung R., eds. *Urban Sustainability in the Arctic: Visions, Contexts, and Challenges*. Washington DC, IERES Publ., 2017, pp. 463–473.
9. Laruelle M., Hohmann S. Polar Islam: Muslim Communities in Russia's Arctic Cities. In: *Problems of Post-Communism*, 2020, vol. 67, iss. 4–5, pp. 327–337. DOI: 10.1080/10758216.2019.1616565.
10. Mansoor A., Quillin B., ed. Migration and Remittances. Eastern Europe and the Former Soviet Union. Washington DC, The World Bank Publ., 2006. 236 p.

11. Sokolov D. Ugra, The Dagestan North: An Anthropology of Mobility Between the North Caucasus and Western Siberia. In: Laruelle M., ed. *New Mobilities and Social Changes in Russia's Arctic Regions*. London, Routledge Publ., 2016, pp. 176–193.
12. Yarlykapov A. Divisions and Unity of the Novy Urengoy Muslim Community. In: *Problems of Post-Communism*, 2020, vol. 67, iss. 4–5, pp. 338–347. DOI: 10.1080/10758216.2019.1631181
13. Yemelianova G. Islam and Nation Building in Tatarstan and Dagestan of the Russian Federation. In: *Nationalities Papers*, 1999, vol. 27, no. 4, pp. 605–629.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 29.11.2020

Статья размещена на сайте: 23.12.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Омаров Магомед Алиевич – доктор политических наук, директор Центра социально-политических исследований и информационных технологий Российского государственного гуманитарного университета; e-mail: omarovm@list.ru

Магомедов Арбахан Курбанович – доктор политических наук, профессор кафедры теории регионоведения Московского государственного лингвистического университета; e-mail: armagomedov@gmail.com

Magomed A. Omarov – Dr. Sci (Political Sciences), Director of the Center for Socio-Political Research and Information Technologies, Russian State University for the Humanities; e-mail: omarovm@list.ru

Arbahan K. Magomedov – Dr. Sci (Political Sciences), Prof., Department of Theory of Regional Studies, Moscow State Linguistic University; e-mail: armagomedov@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Омаров М. А., Магомедов А. К. Полярный ислам в постсоветской России: рождение феномена в контексте «новой» этно-социальной мобильности // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Omarov M. A., Magomedov A. K. Polar Islam in post-soviet Russia: the birth of a phenomenon in the context of a “new” ethno-social mobility. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 4. Available at: evestnik-mgou.ru